

Павел Кренев

Нечаянная радость

Рассказ

Вот уж залилось рыбки, так залилось! Всего в ручье было выставлено три «морды», а для заполнения пестеря «с чупышем» хватило и первых двух. Из последней снасти сорог да окуней пришлось «выливать» обратно в воду. Рыбешка, всюю живая, булькала в ручей, радостно плескала хвостами и шмыгала в разные стороны. А что делать, ежели ноша и без того получилась тяжеленная. С этой-то попробуй дошагай до дома по мхам, да лесным кочерыгам, по расхлябанной весенней размытости.

Но дело это, конечно же, разлюбезное – ловить сорожку в ручье около Малого Боровского озера. Кирилл Новоселов давно испытал сорожьё моду – заходить в него весной. Получалось так, что зимовала рыба в соседнем Большом Боровском, где еды хоть и поменьше, зато глубины больше, а значит, и кислорода зимой достаточно, а на лето возвращалась в кормовые места, в Малое озеро, где вдосталь травы и ила, и гуляла там остаток весны, все лето и всю осень, нагуливала жирок, наращивала свои бочка. Потом, на зиму, поздней осенью, перед ледоставом, опять скатывалась в соседний водоем, на глубину, и там в дреме проводила зиму. Природа!

На ручье, по которому рыба шастала туда-сюда, он делал заколы: перегораживал течение частыми колышками да еловыми и можжевельновыми ветками, чтобы рыбке ни в какую щелку не просунуться было, а посередке закола устраивал маленькие ворота, куда рыбеха и устремлялась. Да только тут-то и ждала ее хитрость: сразу за проходом попадала она в горловину морды, а из него в сам кут, из которого выхода уже не было.

Новоселову в радость разгадывать всякие там рыбы хитрости-загадки, оттого и удачлив он в рыбалке. Кто бы еще в деревне вот так вываливал обратно в воду излишек пойманной рыбы? Никто, это факт.

Бушевала во всю свою распахнутую удаль весна. Над лесом тянули и призывно хоркали длинноносые вальдшнепы, зовущие спрятавшихся в траве самок. На Светлом болоте, что лежало в километре от озера, раздавались гортанные крики гусей – гуменников. Там, среди жухлой редкой травы всегда высыпало много клюквы, вытаявшей из-под ушедшего льда, к этой поре завсегда сладкой: зима вытягивает из этой ягоды всю горечь, и клюква теперь, хоть и сморщенная и скукоженная, а мила и человеку и привередливому гуменнику.

Табуны гусей на перелетах завсегда, испокон веку, сворачивают со своего привычного маршрута к гнездовьям в тундряных местах и присаживаются на это болото. Расхаживают здесь вперевалочку на нарядных красных лапах, склевывают приникшие ко мху ягоды и без умолку разговаривают друг с дружкой, обсуждают последние новости, издавая гортанные звуки, задирая головы кверху. Кирилл обыкновенно любит, расположившись на краю болота, разглядывать в бинокль этих громадных птиц, прилетевших на свою родину и теперь отдыхающих.

«Прибыли опеть, гуляки, - шепчет он про себя, внимательно разглядывает гусей в синие окуляры и щурится словно сытый кот, - ишь мнут сладеньку ягодку, ядрена-матрена. Бока толсты у самих, наелись уж, а все мнут, да мнут. Ну прилетели, голубочки, дак и прилетели, слава те Господи. Навестили опеть родинку-ту свою. Ну, кушайте, кушайте...»

Сейчас он посиживает у кострища, что рядом с его избушкой, подкладывает в огонь еловые сучья, греет чай. Потом долго сидит на завалинке, и, опираясь спиной о бревна избушки, пьет из кружки сладкую жидкость. Немилосердно фыркает, закатывает от удовольствия глаза и полусонными глазами разглядывает небо, деревья и озеро. Глядит, как на озерную воду упала с неба и разлеглась во всю ширь водного пространства красно-сиреневая вечерняя заря и теперь покачивается на легкой волне.

Посреди озера, прямо в гуще яркой краски зари плавают две большие белые птицы – пара лебедей. Они уже много лет гнездятся здесь и живут все лето с двойкой - тройкой серых птенцов, необыкновенно быстро растущих.

Супружеская пара время от времени горланит в свои лебединые трубы, и длинные, сильные звуки улетают в лесные дебри.

Еще слушает Новоселов, как на прилегающих к озеру мхах поют страстные песни косачи, как они с шипеньем чужакают, томно урчат, захлебываясь в восторге весеннего ликования. И их песни журчат над землей словно буйные разлившиеся ручьи.

Косачи, это ведь петухи, и на виду у своих самок-тетерок они рьяно, азартно дерутся, стучат друг о друга крыльями, и шум их драк и хлопки их крыльев доносятся до Кирилла.

Весь этот весенний, радостный шум просыпающейся природы возбуждает его. Сейчас он словно подросток, увидевший перед собой женщину необычайной красоты и оттого оробевший, растерявшийся. Он сидит, прильнувший к своей избушке, сидит с полуоткрытым ртом. И перед ним во всей расцветающей красе гуляет по озерному берегу русоволосая синеокая молодая женщина по имени Весна, смотрит на него ясными, распахнутыми глазами и улыбается ему хорошей простой улыбкой.

Домой, в деревню, он попал только к обеду. Проспал начало дня в лесной избе. Этой ночью ему не спалось, потому что на весь белый свет вместе с весной нагрянули прозрачные бессонные ночи, и потому, что в мире светло, даже когда закрываешь глаза. Полночи куролесил он вокруг да, около избушки, долго сидел на озерном берегу и слушал Весну. Не мог от нее оторваться. Солнышко уже стояло над деревьями и раскидывало густые косые тени в озерную синь, когда он пошагал от озера домой.

В деревне было все как всегда. Так же лаяли собаки на проходящих по улицам людей, так же каркали на морском берегу вороны. Но все же стало как-то посветлее что ли, повеселее. Все правильно: весна вступала в свои права.

На скворечниках – считай на всех – посиживали скворцы и, вытянув к небу горлышки, фигурно высвистывали свои затейливые песенки. И, хоть свежая травка едва-едва проросла, по деревне, по всем ее закоулкам расхаживали овцы и блеяли и подпрыгивали и взбрыкивали, радуясь новому раздолью.

Глаз Новоселова зацепился за дом, в котором проживал старый его приятель Никандр Пестунов. С ним Кирилл дружил, несмотря на то, что увел тот в молодости от него Верку, школьную кирюхину подругу, считай невесту. Да чего теперь об этом вспоминать? Дело прошлое.

На углу дома, на коленях сидела какая-то женочка, протягивала руки под бревна и чего-то там ковыряла.

«Верка, - узнал Новоселов и направился к ней.

- Привет, - сказал он ей, - ты чего мастеришь-то тутогде одна? Где мужик-от твой?

Верка не ответила ему ничего. Только глазищами зыркнула. Злыми и усталыми.

- Где-где, сказала бы я тебе где, да ругачче не больно хочу.

Было видно, что у Верки нету желания разговаривать и отвлекаться от дела. Она все ковырялась под бревнами, пыхтела и чуть слышно ругалась. Кирилл стянул с плеч пестерь, наклонился и заглянул под угол. Там на узкой и короткой доске стоял домкрат. Стоял неровно и постоянно соскальзывал, когда Верка пыталась его подкачать. Было видно, что она хотела приподнять угол дома, да разве поднимешь его на такой шаткой основе?

- Вера, ты сбрендила, аль как? Тут как следоват надо, а не едак.

- Не е-е-едак! – Верка откинула в сторону ломик, который являлся орудием накачки, полыхнула ярко-зелеными глазищами и резко высказалась Новоселову в лицо:

- А не едак, дак сделал бы как надо сам, да и все. А то ходют тут, указывают! Равзе могу я как надо, ежели я баба!

- Дак мужик-от твой где, Вера? Пускай бы и смастрячил, чево он-то?

Верка выпрямилась, поднялась на ноги и сказала желчно и зло:

- Нету больше у мня мужика нонеча, все!

- А где же он Никандрушко-то? Куды делся?

- Выгнала его, змееватика, вытурила гадину.

Верка стояла злющая, брызгала зеленью глаз и явно было – разговаривать больше не хотела. Появись в сей момент перед нею никандровская физиономия – крепко бы ей досталось.

Лежало рядом с углом дома толстое бревно метра полтора длиной – новая стойка – свая, которую надо было подладить под угол. Старая сгнила совсем, ее надо было заменить. Из-за этой гнили дом стал заваливаться и просел на угол. Верка и бросилась спасать ситуацию. Кирюхе было понятно, что ей одной с такой мужской работой не справиться.

Он постоял, поразмышлял.

- Ладно, - сказал он, - приду опосля, сделаю. Ты не суйся тут, а то дом уронишь.

Видно было, что Верка обрадовалась, но виду она не подала – характер у нее такой, фыркнула и отвернулась. Все же маленько поговорила:

- Ну, дак ладно уж, коли желанье...

Потом резко повернулась и высказала... Все женщины не могут не высказать:

- Только, Кира, денег я не дам, у меня их нету.

Кирилл махнул рукой, надел опять тяжеленный пестерь и убрел домой. В этот день он отдыхал, засаливал рыбу в деревянном маленьком чане, топил баню, мылся.

А на другое утро пошел к Веркиному дому и заменил стойку, выровнял угол дома. Все сделал, как надо. И вернулся домой. Верку даже и не видел.

А вечером она заявила к нему сама. Застучала в дверь, зашумела под окнами.

Когда зашла в избу, стало понятно: выпившая она, а потому развеселая. Раскомандовалась. Новоселов хотел выставить ее, да не смог.

- Пока рюмку со мной не выглоташь, не уберусь я никуда. Так, парнишко, и знай!

Она достала из кармана старинного, но вполне сносного пальто (видно нарядилась, как смогла) маленькую бутылку водки и шлепнула донышком об стол:

- Неси стаканы, Кира.

Что ему было делать? Они вместе учились, считай, старинные друзья. Кирилл и принес. Кроме того, доставил к столу тарелку со свежепросольной рыбой, миску с картошкой в мундире, хлеб.

Выпили. Крякнули. Закусили.

Посидели. Помолчали. Вера, нахохлившись, раскачивалась на стуле. Видно, не знала, с чего начать разговор. А поговорить ей, судя по всему, хотелось.

- А тебе спасибо, Кира. Выручил ты меня... Дом бы упал, - она наконец решительно глянула на него, - куда мне одной-то было? Некуда, да и все... А дом, вишь ты, падать начал. Хряснул бы, кабы не ты...

Она сидела, раскачивалась и нервничала. Ей необходимо было поговорить.

- Где Никандрушко-то, Вера?

Было очевидно, что для нее это сейчас была самая больная язва, самый поганый вопрос. Она машинально потянулась к бутылке, но та была пуста, и Верка со злостью хлопнула ею по столешнице. Чудом не растрескала бутылку. Ей необходимо было выпить.

- У тебя в шкафчиках не осталось ешшо маленько чего-нинабудь? А, Кира? Тошно мне...

У Кирилла, конечно, стояла в чулане на холодке поллитровочка, но он не поддержал пьяненькую женщину. Качнул отрицательно головой.

- Эх ты, жалко, - сокрушенно охнула Верка. Помолчала, спрятав подбородок в плечах, и высказала свое, наболевшее.

- А я прогнала своего. Насовсем, суку. Не знай, живой таперича, аль нет, не знай.

- Чего ето помереть Никандр должен? Прихворал, али чего?

- Нахряпала я ево страхи Божьи как, уколотила сколько мога... Поленом намячкала.

Новоселов испугался, да и заинтересовался тоже. Верка говорила какие-то страшные вещи.

- С чего эт ты Никандрушка-та, поленом-то? С какой такой стати?

- А вот тебе и с какой! – Верка не на шутку взбеленилась, прямо заподпрыгивала на стуле. – Я намеднись от мамы прикатила с Витькой, соседом на мотоцикли, из Яреньги. Хотела в следушшо утро – муженьку-то так и обещала, а прикатила пораньше. Ну, так ето подстатилось. Вечером-то и заявила я...

Тут Вера вытаращила в ужасе глаза, проглотала ртом воздух и выпалила тяжеленную для нее самой новость:

- А оне и разлеглись, сученыши, на моей-то, да муженька постелюшке. Дергаючче под одеялом, окаянны... Спарились, как кобель со ссучкой...

Верка не могла продолжать, помолчала...

- Да, хто ето они-то?

- Проститутка ета, Надька, доярка, шалава ета... Ну и мой... Лежат, разлеглись... На моей простынке.

Вера так разволновалась, что ей трудно было говорить. Она открывала рот, но слова не получались.

- Я полено-то и схватила от печки. Отходила обоих по чему попало. А потом выпинала на улицу.

Она завершила жуткий для нее рассказ и сидела притихшая, потухшая.

- Сказывают обоих в Пертоминск увезли, в больницу. Не знай, живы, нет, не знай.

Кирилл тоже помолчал, подумал:

- Ну, ежели не забрали тебя, Вера, значит живы они.

Так успокоил он Верку, а сам пошел на поветь за бутылкой. Разволновался он сам от таких событий. Налил себе и Вере. Но только по одной налил. Больше не разрешил. И сказал ей:

- Слышал я, Вера, што выпивать ты стала сверх всякой меры. Народ тебя осуждат. И я тоже осуждаю. Не надо бы тебе ето дело...

Верка горестно склонила голову:

- Сама знаю, а жись у мня така. Вот поетому...

Она махнула сокрушенно рукой и побрела, покачиваясь, домой.

Стоял солнечный денек начала июня. С утра до полудня Кирилл готовил в колхозном ангаре снасти – проверял исправность ставного семужьего невода, выделенного ему колхозом для путины, как звеньевому рыбацкого стана: развешивал на вешалах тяжелую капроновую стенку, тайник, крылья. Выглядывал, не прогнила ли, не порвалась ли в каких-нибудь местах нитка, похаживал вокруг невода с иглой, подшивал, подправлял, терпеливо и тщательно перебирал руками снасть. Неводу ведь тоже, как и человеку, необходимо отдохнуть после зимы, глотнуть свеженького воздуха, появиться на солнышке. Доля у него такая: зимой в душном ангаре, в скукоженном виде, а все лето – в соленой морской воде.

Кирилл разглаживал его – старого, надежного помощника, тихонько добродушно ворчал:

- Ну, ты, ето, повиси тут покудова, погрей бочка. Скоро уж нам с тобой в морюшко пехачче...

И вдыхал поднимаемый теплом со слежавшегося капронового полотна прогорьклый запах морской соли и кисловатый аромат просохших за зиму морских водорослей – родной с детства поморский запах.

Потом он сидел на крылечке своего дома, откинувшись на ступеньки, выставив лицо солнышку и прикрыв глаза. Слушал начало лета. Это была хорошая пора, когда картошка уже посажена, когда еще не начался сенокос и пока еще не началась семужья путина. И можно было вот так посидеть, расслабиться хоть на полчаса, послушать, как живет деревня. Звуки были

одни и те же, что и всегда, но они отрадой ложились на сердце. Где-то приглушенно орала детвора. За огородами, около полей, какой-то мужик без конца все пилил и пилил дрова, и бензопила его распевала визгливые песни. Словно мужик решил заготовить дрова для всей деревни. Мычання коров – самого обыденного звука – не было слышно: в эту дневную пору стадо пасется на травяных пажитях за озером.

И прямо напротив его глаз, почти над головой, пел скворец. Он расселся на кончике крышки скворечника, сколоченного Новоселовым пару лет назад, и даже не пел, а выделял, будто специально перед своим хозяином, невероятные выкрутасы художественного свиста. Кирил слышал, конечно, что у скворцов нет собственной песни, они, как попугаи, воруют трели у самых разных птиц, но этот, его сосед – скворец, явно превзошел всех попугаев.

Он вытянулся в струнку, будто искусный оперный певец на сцене, растопырил дрожащие в азарте крылья, задрал головку, распахнул клюв и, слегка подпрыгивая, верещал то чистым соловьем, то щеглом, то воробьем и даже сорокой. Явно работал на внимательного слушателя – Кирилла.

А тот полулежал, полудремал, ему было хорошо на солнышке. Да разве долго отдохнешь с односельчанами! Нет, не получится...

- Мишка-та пишет чего, аль нет? – громко позвала его соседка Ангелина. Шла она за водой к Кирюхиному колодцу, и ей надо было себя обнаружить, вот и кричит она, будто оглашенная. А как же, все же к чужому колодцу идет.

Мишка – это сын Кирилла. Он в прошлом году закончил мореходку, механический факультет, и в этом сезоне, хоть и последним механиком, но ушел в загранку на сухогрузе.

- Пишет-пишет, - пробурчал Новоселов, разговаривать и прерывать сладкую дрему ему не хотелось.

- Вот и слава те Господи, парень батька не забывает. - Ангелина так и унесла полные ведра, не поговорив.

А потом к нему подсел кто-то щупленький и легонько толкнул в бок.

- Здравствуй-косе, дядя Кира, - пропел девичий голос.

Кирилл узнал его, голосок этот, пришлось ему проснуться.

Это была Любашка, Веркина дочка. У той было их две. Старшая Людмила училась в Архангельске на фельдшерицу, а эта, младшенькая, примерно классе в пятом. Но по ней не скажешь, что малявка, хотя и пигалица с острыми коленками, а такая она не по годам умница-разумница! Кирилл это давно приметил. Справная девчонка будет, когда подрастет.

Она сидела рядом, и личико ее было розовеньким и возбужденным. Белая челка свисала на пряменький, аккуратненький носик.

- Че ты, беяска, прибежала? – Кирилл окончательно проснулся. Он был рад повстречать Любу. Та всегда тоже радовалась, когда они встречались на улице, всегда первая здоровалась и почему-то непременно улыбалась при этом.

А вот сейчас она, судя по кислой мордашке, была чем-то расстроена, что-то тревожило маленькое ее сердечко.

- Ну-ко, ну-ко! – Новоселов развернулся к ней, легонько потрепал Любашкино плечо и стал допытываться. – Докладай-ко, деушка, че стряслось-то тако?

Люба склонила лицо к коленкам и захныкала, плечики ее задергались.

- Та-ак! Вот явилась нюня така! Дак што ето с тобой, Люба, ну-ко растолкуй мне?

Та подняла к нему зареванное лицо, и через всхлипы Кирилл разобрал:

- Мама пьет... Да гулят где-то. Вчерась дома не ночевала. Лежит пьяна...

Для Кирилла это не было большой новостью. Он давно все знал, как знала и вся деревня. Знал и жалел Верку. Они ведь учились в одном классе. Она была тогда для него самой замечательной девочкой в школе. И они дружили, пока он не ушел в армию. Когда он вернулся, Верка была уже другая. Она была замужем.

Кирилл не знал, что можно тут поделать? Женщина-выпивоха – это страшное дело.

А Любаша вдруг сказала:

- Я, дядя Кира, придумала, как надо поступить. Всю ночь думала-думала и придумала. Только ты мне должен помочь. Мне одной тяжело будет.

План ее оказался занятным и вполне проработанным, чего Кирилл совсем не ожидал от такой малявки.

- Надо на маму мою повлиять стрессом,- Любка ляпнула то, чего Кирилл совсем уж не мог ожидать.

- Это чего тако? – выпучил он глаза.

Люба повернулась к нему всем своим тельцем, выпрямила спинку и деловым тоном, как учительница школяру, разъяснила суть своего плана. Глаза ее быстро высохли. Наверно, учительницей она и будет.

- Я, дядя Кира, зимой проштудировала всю нашу библиотеку в клубе, разговаривала с фельдшерницей Антониной Вячеславовной. Все я разузнала.

- Ну и што там тако про стресс-от етот сказывают? Интересно мне...

- Из всего, что я узнала, я поняла, что алкоголизм можно излечить лишь в результате сильного эмоционального воздействия.

Где она таких слов-то нахваталась? Наверно серьезно изучила вопрос. Кирилл робковато спросил:

- Может, эмоционального?

- Чего? А, да, конечно же, да. Эмоционального.

Она пошмыгала красивым носиком, продолжила:

- Человека надо, дядя Кира, угрозить угрозой смерти, или же гибели близких людей. От этого страху он перепугается и закончит свою пьянку. А иначе ему не победить свое нутро, как бы он этого не захотел.

Во дает, шмакодявка! Кирилл отвернулся, помолчал. Надо же, «угроза смерти»... Так и помрет кто-нибудь. Впутывают его...

- Ты, Люба, не придумай чего. Помереть же может Вера-то. Узнашь тогда, как без мамки-то?

- Да не-е, не в маме дело. Ей-то чего? Я под угрозой должна быть.

- Ишше чего не хватат? – Кирилл от неожиданности кашлянул, - из-за еенной пьянки тебя, дева, под монастырь поведем? Ты-то куда почто собралась?

Вот тут Любаша заулыбалась. Ей было приятно, что о ней позаботились. А потом, это ж удовольствие разговаривать с таким непонятливым в медицинских делах человеком.

Шмыгая носиком и быстро-быстро кивая головкой, она поведала свой план. Простой и вполне проработанный.

Она должна пойти в лес за вениками – березовые листочки как раз приспели – и там, лесу, она потеряется. Как бы потеряется. На самом деле она спрячется в лесной избушке, в которую ее отведет дядя Кира. Мать, конечно, будет ходить по лесу, искать, кричать, и так и не найдет свою доченьку. Вот это и будет для нее стрессом.

А затем она, опять же с помощью дяди Кирилла выберется из леса. А потрясенная мать выздоровеет.

Кирилл поначалу сидел остолбеневши. Не мог ничего сказать. Авантюра, конечно, но вроде бы все правильно. В его избушке тепло, еда у нее будет. Да и безопасно, чего там говорить. Кирилл подумал, помычал в кулак и спросил:

- А не страшно тебе будет, деушка, одной-то в лесу? Медведя ведь кругом, а зубья у их во!

И он показал скрюченный указательный палец.

Любаша посмотрела на этот палец, представила... Ей действительно было страшно, чего уж тут... Жуть как страшно. Сидеть одной, когда вокруг такие зверюги с такими вот зубьями!

Но на что не решишься ради хоть и пьющей, но любимой мамы? И она решительно тряхнула челкой.

- Все-таки пойду я в твою избушку, дядя Кира. Пусть моя мама выздоровеет.

Кирилл опять задумался. Втягивают его не весть во что. Люди потом скажут: долбанулся Кирюха совсем! Очень ему это надо... А как тут быть:

Верку он все одно уважал, что бы о ней ни судачили. Тепло у него на душе от воспоминаний о юности. От их с Веркой юности. Он помолчал и сказал:

- Я тебя не отпущу, красава.

Любаша взвилась, ведь она все продумала, она правильно все решила! А маму надо спасти!

- Тогда я одна в лес уйду. Под кустом буду сидеть, а уйду! Ежели ты не поможешь.

Кирилл возразил спокойно, твердо и убедительно:

- А ушкуй придет к тебе... Не боисся? Тяпнет маленько, да и нету тебя, девоньки, вместе с кишочками. Ты же малехонна кака. Хошь, Люба, штобы я грех на себя навалил? Не хоче мне таку обузу брать.

Они замолчали и сидели, склонив головы.

Кирилл размышлял: вот ведь соплюха совсем, кнопка, а как за мамку свою воует! От этой мысли ему было почему-то радостно.

Наконец Кирилл придумал! Он поглядел на Любашку, улыбнулся во весь свой немаленький рот и высказал ценную идею:

- Давай-косе, Любушка, так сделаю, коли уж туда пошло: спрячу-ко я тебя на время у теты своей, у Насти, в Яреньге котора. Все одно, каникулы чичас. Школу не прогуляшь. А у теты моей ладно тебе будет, деушка. Пошто тебе с ведмедями сидеть?

- А лес-то как? В лесу ведь мне надо потерячче.

- Дак, ты всем и заяви, што, мол, за вениками ты. Матка тебя отпустит, люди будут знать... А ты в лес пойдешь, потом шасть из леса на бережок, да по бережку и в Яреньгу. К теты моей. Ты ведь всяко знашь, где тета моя проживат? Дом-от синенькой окол речки.

- Да знаю я, знаю. Мама мне показывала.

- Во-во, а я к ей на мотоцикли скатаю, предупреджу.

Еще они помолчали. На сердцах обоих царила благодать от того, что намечалось благое дело.

Потом Любашка помялась, помялась, повернулась к Кириллу, глянула прямо в глаза и тихо прошептала спрятанные до сей поры слова, как будто раскрывала ему глубокую-глубокую тайну:

- Дядя Кира, а ведь моя мама тебя любит.

- Чего это? Чего ты? – замахал рукой Кирилл, - полуумна ты!

- Да, дядя Кира, так это, так... Плачет она иногда и сказыват мне, что зря не дождалась тебя из армии. Жалет она, да ревет...

- Ладно, ты ето, чего теперь?

Кирилл поднялся, отвернулся и сказал:

- Зайди ко мне, Люба, послезавтрева. Я пока скатаю до теты, договорюсь. Да невод у мян вот, дело многодельно...

И он ушел, так и не повернув к Любе лицо. Не хотел показывать покрасневшие свои глаза.

Искала Любу, почитай, вся деревня. Искала-искала и не нашла. Жители группами и в одиночку прочесывали лес. Лесник Федотов разбил его на квадраты, собрал в своей конторке народ и каждому поставил задачи: ты идешь туда, ты – сюда.

Нет, не нашли девочку.

Кирилл тоже, как все, сходил на поиски. Дошел до своей избы, хоть и не близко было. Зато навел порядок и в самой избе и снаружи – так-то все время некогда, все бегом, бегом. Выдраил можжевеловыми ветками посуду, нарубил и прибавил под навесом дров.

Посидел на озерном бережке. Посередке воды, как и во все годы плавало лебединое семейство – пара взрослых птиц и пара птенцов.

«Семья, - подумалось ему.

Лебеди плавали безмятежно. Детишки их гонялись друг за дружкой, прятались по очереди под крыльями родителей, а те время от времени

гулко, на всю водную ширь, гугукали. Им м было раздольно одним на большом лесном озере.

А вот у Кирилла семьи не было. Вернее сказать ее не стало, когда года три назад умерла Светлана, жена. Какая-то странная болезнь привязалась к ней. Стала она вдруг бледнеть и худеть. И постепенно сгорела в этой непонятной хвори. Кирилл из больничных разговоров только и понял, что в ее крови белые кровяные тельца победили красные. А для человека это, мол, смертельная штука.

И ушла от него Светлана, лежит теперь на деревенском погосте.

А сын Володя моряком стал. Уплыл от отца в заморские края, ходит где-то на своих кораблях. К батьке наезжает редко. То учеба у него, то работа, а то отпуск на югах с друзьями...

Ну, да ладно, может, женится, образумится. Будет с женкой, да с деточками наезжать.

Без семьи Кириллу было тяжело.

На другой день, в самую рань постучалась к нему Верка.

За три дня похудела она крепко. Наверно, не ест, не пьет, и не спит тоже. Сидит на стульчике скелет скелетом. Глаза ввалились, бегают беспокойные.

Посидела с минуту молча, опустив низко голову, потом завывала.

- О-о-еей, Кириллушко, тошнехонько-то мне-е. Не могу-то я натить доченьку-ту свою-ю... Потерялась девонька-та моя-я-а...

Кирилл подошел к ней, остановился напротив.

- А не потерялась она, а ушла от тебя, галюзы, вот што, - сказал, - так оно и есь.

Верка перестала выть. Глянула на Новоселова, донельзя вытаращила глаза:

- Как ето ушла, куда ето?

- В лес пошла, к зверям лютым, лишь бы с тобой не жить, окаянной.

- Почему ето не жить? Я же мамка ей. Мы с ей хорошо живем, даже очень, в согласи. Как две голубки. Золота она, девонька-то.

- Она-та золота, а ты-то хто?

- А хто я есь, Кира?

- Пьянь ты, вот хто. Всяк знат.

Этих слов Вера не выдержала. Как пуля вылетела она из избы, полетела по проулку. Кирилл смотрел ей вослед.

Вдруг она остановилась, резко развернулась и побежала опять к Кириллу в дом. Со всего размаху упала она на пол, звучно, хрястко стукнулась коленками и, стоя на карачках перед Кириллом, опять завывала, только еще громче, с надрывом.

- Все, Кира, все-е-о! Не пью я больше енту заразину! Три дни уж! В рот больше не возьму-у! Хошь поклянусь тебе, Кира?

- Порато надо мне твои клятвы слушать. Не пей, да и все.

- Мамой своей клянусь, Феклой Северьяновной. Не буду больше-е!

Она глянула на Кирилла бешеными, смертельно усталыми глазами и уже тихо, потерянно сказала:

- А убьюсь я, Кира, ежли чево. Ежли Любушку не найдут. Пошто мне жись без ей?

Она, видно не могла подняться, обессилела совсем. Кирилл подошел, обхватил руками за подмышки, оторвал от пола и усадил на стул.

Верка сидела обездвиженная, со сникшими плечами, никакая

- Поиши-ко девку мою, Кира. Сам сходи, да поиши. На тебя токо и надежа. Токо ты и найдешь, знаю я.

Она глянула на него с мольбой. В глазах стояла безысходность и тяжелая тоска.

- Ты ведь Любушку уважаешь, знаю я... Дак и она тебя привечат, кабудидочка твоя...

- Ладно, сказал Кирилл, схожу, поишшу. А ты, Вера, поди-ко ты домой, да поспи. Как скелетина бродишь, людей пугашь.

Посреди белой ночи, когда соседняя деревня Яреньга мирно спала, он вывел Любашку из дома своей тетушки и увел в лес. Через два часа они пришли к его избушке. Люба сразу в нее и шмыгнула.

- Ой, чисто-то как тут! – защебетала она, сунув везде свой носик. – Приборки никакой и не надо.

Кирилл развел костерок, сварил вермишелевый суп. Пока его хлебали, вскипел и чайник.

Любашка жевала моченые сухари, фыркала, вытягивая из ложки горячий суп, потом прихлебывала чай и разглядывала раннее утро, сменившее белую ночь. Глядела на белесую сырость, легким туманом лежащую на озерной воде. Куталась в теплый свитер, наброшенный ей Кириллом на плечи, щурилась от переизбытка впечатлений и мечтала:

- Вот бы здесь жить, да жить... Хорошо-то ка-ак, дядечка Кирочка!

Тряхнула вдруг головой и добавила:

- Чтобы и мама тутогде тоже была... Рядышком сидела.

Она помолчала, подумала маленько и ни с того, ни с сего ляпнула:

- А ты, дядя Кира, чтобы был моим папой.

Кирилл и не смутился совсем.

- А я бы, Люба и не возражал, - сказал он.

Потом он вдруг засобирился. Позвал Любу в избу и там проинструктировал:

- Вот спички, вот береста, вот дрова. Костерок сама растаганишь, чай согрешь. Вот тебе топор.

Он снял с гвоздя мешок с припасами.

- Тут тебе еда, девонька. Много чего, с голодухи не помрешь. Месяц можешь питаться.

- Дак чего, месяц мне тут сидеть? – Любаша маленько встрепенулась, - а мама моя как? Она же волнуется!

- Вот таперича про твою мамку и поговорим. Шибко она переживает, конечно, что потерялась ты. Мне и людям обещат, што пить не будет боле. А где зарок, скажи на милость. Вдруг опеть она к водке етой, к заразе... Надо бы ей ешшо поугаать, штобы уж насовсем она остановилась, глупа женочка.

Любашка со всем этим была согласна:

- Ну, дак и чего, дядя Кира? Ну, дак и как?

Кирилл присел на нары и сообщил:

- Она сегодня придет к тебе, Люба.

- Ой, девочки! – захлопала та ладошки. – Ой-е-ей! Мамка придет!

- Только прошу тя, краса едака, ты сразу-то ей не открывайся, придержи форсу.

- Как ето?

- Принцип ей поставь. Скажи, ежели пить будешь, мамка, не пойду с тобой домой. Тут буду, в лесу жить. Поняла?

Любашка сидела на супротивных нарах и уже улыбалась. Довольнешенькая от всего, что тут сейчас происходило.

- Уж это нам понятно, дядя Кира, уж сделаю все, как надо.

Уходя, Кирилл строго-настрого наказал:

- Сиди в избе, Люба! Не выкуркивай. Вот крючок на двери, зашшолнись на его и посиживай тихонько.

-А чай, дядя Кира? Чайку-то надо ведь согреть.

Кирилл это разрешил:

- Согрей чай, согрей, ладно. И тут же в избу. Понятно? Мало ли чево...

- Понятно, понятно!

Верка его уже ждала. Сидела перед домом на завалинке. Опять, наверно, не спала или спала мало. Выпытывать что, да как, приступила, когда он еще не подошел ко крылечку.

- Нашел, аль как? Че молчишь-то?

- Да я ведь и сказать-то не поспел ишшо.

- Не молчи, сказывай, нашел, аль нет?

Кирилл потихоньку стянул с плеч старый рюкзачишко, повесил его на крючок. Сел рядом с Веркой, слился с нагретой поверхностью завалинки, медленно начал стягивать с усталых ног сапоги.

Верка глядела на все это словно голодная волчица перед броском на ничего не подозревающую, зазевавшуюся жертву.

- Ты скажешь мне, аль нет? – неторопливость Кирилла вывела ее из себя.

- Чего сказать-то тебе я должен, Вера?

- Че ты как придурок какой. Дочку мою отыскал, аль нет? – Верка кричала ему в самое ухо. – Нашел, спрашиваю, или чего?

- Нет, - спокойно и твердо сообщил Кирилл. - Самой Любаши я не нашел, но, ето самое...

- Что ето за но тако? – Верка совсем сорвалась на крик. – Как ето самой не нашел? А кого ты тогда нашел? Што за но за тако тут ишше?

Кирилл повернул к ней усталое, вполне добродушное лицо и, как бы между прочим сказанул:

- Я голос слышал.

Верка глядела на него оторопело, в глазах ее темно-зеленых запроглядывала ненависть.

- Какой такой ишше голос. Я ему про Любашечку мою, про доченьку, в лесу, может, погибшую, а он хреначит мне про голос какой-то. Нашел ты, обормотина, кровинушку, аль нет?

- Найти не нашел, а голос еенной был. Прознал я его. Кричала она.

- Кто кричала, кто?

- Дак Любашка и кричала, хто ишше. Ейной голос. Че, я Любу с кем перепутаю.

- Дак, ты-то ей кричал? Ты-то? Аль нет? Ты-то как?

- И я кричал.

- Дак, а она чего?

- Дак, не слышала она меня.

- Как ето так, не слышала? Ты, мол, слышал, а она и нет!

- Дак ветер был встречной для ей. Как она услышит, коли рвань така. Задувало ей навстречу, крепко задувало. Не пробить голосом. От ей ветром наносит, а от меня к ей нет. Любой не услышит.

Вера уже стояла, руки врасстырку, рот распахнут. Она не знала, чего сказать в такой нелепой ситуации. Кирилл тоже поднялся, отшагнул малость. Неизвестно, чего от Верки ждать.

- Ну, дак скажи ты мне таперича, Кирьян, куды мне бежать? Где дочку искать. Потерял ты Любушку мою, одну оставил сиротинушку, из леса не вывел. Голоса у его не хватило... Ну, дак я тебе чичас поправлю его, счас шибче запоешь...

И она стала искать под ногами полено – обычное для нее оружие. Но полена не нашлось, поэтому Вера пошла на мужика с голыми, но, по всему видно, крепкими руками.

Кирилл на всякий случай отступил, урезонил мамку разбушевавшуюся:

- Да остынь ты, шальна баба! Нашел я твою Любу, нашел. Чичас расскажу где, сама и отышешь.

И приказал на всякий случай:

- Садись-ко ты обратно на завалинку, остынь, горяча больно. Привыкла с Никандром руки распускать...

Когда Верка, тяжело дышащая, стреляющая бешеными глазами, присела, Кирилл рассказал, что голос был от избы его, что на озере. А идти он не смог, потому как нога у него подвернулась, а шагать до Любашки надо было километра два.

- Куды мне, Вера, скажи ты на милость, топать в такую даль с подвернутой -то ногой? Некуды! Не дошел бы я. Вишь, еле стою, хромаю страхи Божьи! Понимать должна...

Верка сидела теперь притихшая, только стреляла глазами.

- Это изба, которая на мысу стоит, дак я видала, – сказала она с нервной визгливостью.

- Та сама, которая ишше может там быть? Бывала всяко, найдешь...

- Бывала-бывала, - кричала ему Верка, уже убегая в лес.

К своей доченьке, к Любашке.

Поначалу они жили не вполне мирно – мать и дочка. На глазах у всей деревни поругивались, затем сразу же мирились и миловались и миловались... Не знали уж чем друг дружке угодить. Чего там говорить, любовь их взаимная была у всех на глазах.

Вера долго не могла пережить свой стресс, ведь не было у нее на белом свете никого дороже и ближе, чем родная доченька Любаша, красавица из красавиц, умница из умниц.

О выпивке сразу как-то забылось. Эта беда ушла из их дома раз и навсегда.

Однажды, уже в конце лета пришли к Кириллу в дом две счастливые особы – Вера и Люба. Нанесли пирогов. За разговорами повечеряли, напились чаю. Кирилл – радушный хозяин - выставил было бутылочку шампанского. Как же, гостей надо бы уважить. Только никто пить не стал. А

Вера даже и не взглянула на симпатичную зеленую сосудину. Так и простояла она нетронутая.

А в воскресенье Кирилл пошел за деревню, на кладбище. Постоял около могилки Светланы, жены, погладил ее фотографию, прибрал какой-никакой мусор с холмика. Сел на скамейку рядышком и сказал:

- Пойми ты меня, Светушка, чижало мне одному век вековать. Хозяйка в доме нужна. Возьму-ко я Веру, да Любу к себе, хороши оне люди. Сама ето знашь. Не обижайсе ты на меня, Христа ради, Светушка...

Потом поднялся, потоптался минуту около бугорка и пошел в деревню. В новую жизнь.